

фонд
либеральная
миссия
дискуссии
фонда
либеральная
миссия

*Либерализм:
взгляд из литературы*

Наталья Борисовна Иванова

Либерализм: взгляд из литературы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3116125

Либерализм: взгляд из литературы: Новое издательство; М.; 2005

ISBN 978-5-98379-146-6

Аннотация

Почему либеральная идеология становится в России все менее популярной и, в частности, утрачивает свои традиционно сильные позиции в художественной литературе? Эти вопросы стали стержнем серии дискуссий, проведенных Фондом «Либеральная миссия» и собравших известных российских критиков, издателей и социологов: Наталью Иванову, Андрея Немзера, Игоря Захарова, Бориса Дубина, Сергея Чуприна, Александра Иванова, Дмитрия Бака, Льва Гудкова, Льва Рубинштейна и др.

Содержание

Литература и либеральное сознание в сегодняшней России	4
1	6
2	13
3	19
4	23
5	29
6	40
7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Либерализм: взгляд из литературы

Литература и либеральное сознание в сегодняшней России

Известно: литература в России, и особенно в СССР, была «нашим всем» – и трибуной общественной мысли, и перманентным политическим диспутом, социологией и философией. Отнюдь не только собственно художественной литературой, литературой как искусством. Естественно, что при таком положении дел литература являла собой и место политических дискуссий, и место дискуссий о будущем России. Отсюда – ее особая влияние, отсюда – и особый статус русского писателя («властителя дум»), не только призванного отвечать на острые вопросы действительности, но и ответственного за ее состояние. И прежде всего – за состояние общества.

То, что в других исторических условиях развилось бы самостоятельно, в России всегда принимало литературные формы. Вернее, так сращивалось с литературой, что отделить одного от другого почти невозможно, не повредив сущности.

Так и с либерализмом – как политическим течением, общественным сознанием, философским выбором. Диагноз, который ставит ему сегодня сама либеральная художественная словесность, неутешителен. Прочитирую один из самых непосредственных парадоксальных примеров (цитата «вынута» из романа, выдвинутого на Букеровскую премию): «И все сразу заговорили о том, что в России сегодня наблюдается возникновение антисемитизма вовсе не в той среде, в которой привычно было антисемитизм наблюдать, – в среде *либерально настроенной интеллигенции*. Она обанкротилась, *либеральная интеллигенция*, потерпела провал на сломе эпох. Поэтому ненавидит и завидует всем, мало-мальски преуспевшим».¹

¹ Рубина Д. Синдикат. М., 2004.

1

Либерализм как течение мысли в России имеет недлинную и прерывную историю – в отличие от *свободолюбия* как личного нравственного выбора.

После октябрьского переворота либеральная мысль открыто существовала только в эмиграции.

«Либералами» внутри СССР именовали ту творческую интеллигенцию, которая приветствовала ослабление хватки режима (в «оттепель» и «перестройку», например), способствовала смягчению полицейских нравов и насаждению свободомыслия. *Советскими либералами* в разное время были А. Твардовский, К. Симонов, вся редакция журнала «Новый мир», так называемые «шестидесятники» (Е. Евтушенко, А. Вознесенский), театр Ю. Любимова на Таганке с его инсценировками прозы и стихов советских писателей-либералов. Был распространен среди литераторов советского времени и ситуативный либерализм: тот или иной писатель, соответствуя духу времени (и ловя этот дух), в периоды относительного либерализма властей («вегетарианские времена», по выражению Ахматовой) выступал как советский либерал, а в периоды идеологических «заморозков» – как опасливый ретроград. Подлинным либералом после 1968 года стал Юрий Трифонов, в повестях городского цикла («Обмен», «Долгое прощание», «Предварительные итоги») впер-

вые безыллюзорно описавший советский либерализм и его представителей.

Исайя Берлин в книге «История свободы. Россия» анализирует то, что он называет «советским литературным пейзажем»², существование русской интеллигенции при советском режиме, и говорит об «искусственной диалектике», с помощью которой власть от крайней точки фанатизма (политические чистки и казни, уничтожение «врагов», усиление пропаганды, насаждение страха – это теза) переходила к «некоторым послаблениям» (это антитеза). К либерализации «в отдельных областях, например в литературной критике, поэзии или археологии, <...> Снова легче дышится, слышны разговоры о мудрости правителей, о том, что наконец-то раскрылись их глаза на „произвол“; рождается надежда на расширение свобод; начинается оттепель». Далее Берлин пишет: «...непрерывная последовательность „либеральных“ и репрессивных шагов советских правителей строго сохраняется, хотя этот метод больше не поддерживается виртуозным мастерством (или личным садизмом) Сталина».

Одним из побочных последствий этого «метода», «оригинального изобретения Сталина», была, по Берлину, «полная деморализация слоя, который в СССР <...> обозначают словом „интеллигенция“».³

² Берлин И. Литература и искусство при Сталине // Берлин И. История свободы: Россия. М., 2003. С. 391.

³ Берлин И. Молчание в русской культуре // Берлин И. История свободы. Россия.

Однако именно эта «диалектика» как раз и имела среди своих последствий возникновение «советских либералов» – наряду с «советскими ретроgrадами» в литературе и искусстве. Притом и те и другие размещались внутри советской элиты. *Советские либералы* были ближе всего (по стилю жизни, если не по убеждениям – слишком сильное слово) к западникам; *советские консерваторы* – к почвенникам. Но наряду с этим существовало и другое – подспудное – направление либеральной мысли в литературе, из советского либерализма вышедшее в диссидентство.

В новых исторических условиях перестройки либерализм проявился как неозападничество, вступившее в острую полемику с так называемыми *патриотами* (конец 1980-х).

Либеральное направление в литературе 1960-х – начала 1980-х годов проявляло себя как в подцензурной, непечатаемой словесности, так и в сам– и тамиздате. Иные писатели появились одновременно и в «подцензурной» печати, и в самиздате. До поры до времени – например, до вызова официальной идеологической власти со стороны «Метрополя» (1979).

В подцензурной словесности либеральное направление не имело другой возможности, как говорить при помощи и через посредство так называемого эзопова языка, который требовал негласного договора между писателем и читателем (проза Юрия Трифонова, Фазиля Искандера и др.).

Сегодня либеральная мысль в литературе существует в свободных условиях. Ей не нужен эзопов язык, ей не придется преодолевать государственные границы для того, чтобы дойти до печатного станка (тем более до Интернета). Однако споры о либерализме и литературе не утихают; более того, либеральное и антилиберальное течения являются реальными оппонентами в постсоветском литературном пейзаже.

Возникает вопрос: почему в дискуссиях о *русском* (о культурной *русской* идентичности, о национальной идее, национальном самосознании и т. д.) в обществе никогда не говорится о либерализме – как об одной из плодотворных традиций русской мысли?

Либеральные реформы, через которые Россия проходит вот уже полтора десятилетия, должны были так или иначе повлиять на содержание этих дискуссий.

И они повлияли. Но не так, как можно было бы предположить.

В российской литературе XIX века существовала сильная антилиберальная традиция.

Если сравнить русские корни либерализма (Новиков, Радищев, Герцен) с антилиберальными традициями, то станет очевидным: либеральное течение в истории России «подсоединялось» к революционной мысли. А гротескное изображение российских либералов, карикатура на либералов (и на их образ жизни, как бы оторванный от реальной российской

действительности) присутствовали (в разной степени, но...) в антилиберальной литературе: в прозе Достоевского и Льва Толстого, Тургенева и Салтыкова-Щедрина, Чехова и Горького. Традиция гротескного изображения советско-русского либерала была поддержана Владимиром Маканиным (повесть «Один и одна»), Олегом Чухонцевым (поэма «Однофамилец»), Виктором Астафьевым («Царь-рыба», «Печальный детектив»). Можно ли заключить, что сами писатели парадоксальным образом послужили злорадному вытаптыванию маленького поля свободомыслия с его либеральными ростками, дали в руки своим оппонентам аргументы против, привычнее (опять же парадоксальным образом) ощущая себя в выжженном пространстве несвободы? Перефразируя Достоевского – точнее, Великого Инквизитора: сами свободу свяжут и к несвободе придут?

Болезненность проведения либеральных реформ в России 90-х годов прошлого века всколыхнула антилиберальную память литературы, возродила в литературном сознании гротеск и антилиберальную карикатуру; за ними стояло отрицательное отношение если не к самим реформам, так к способам их осуществления. В литературе и искусстве ретротенденции были насаждаемы – еще с самого начала 1990-х – отнюдь не антилибералами и консерваторами, а как раз либеральными авторами.

Все это накладывалось еще и на со школьной (советской) скамьи вбитое в головы понимание либерализма как без-

условно ущербного, отрицательного явления, скомпрометированного самим ходом истории.

Разочарование в результатах «перестройки», в президентстве Ельцина, а затем и в действиях новой/старой номенклатуры развило и укрепило в обществе негативное отношение к либеральным переменам, выразившееся, например, в том, что идею введения цензуры поддержали три четверти опрошенных. Эта ошеломляющая цифра имеет самое непосредственное отношение к литературе, к борьбе в ней либеральных и антилиберальных тенденций. Очень быстро, как оказалось, в обществе начинают нарастать ретроградные настроения, забывается гнет несвободы, закрытость от мира, массовое стукачество, тотальный дефицит.

Следует напомнить о том, что само слово «либеральный» было скомпрометировано и самоназванием (карикатурным) партии Жириновского как *либерально-демократической* (ничего ни либерального, ни демократического в ее идеологии и ее действиях не было изначально). В то же время агрессивная атака на слово (и на писателей, разделяющих либеральные убеждения) шла – и идет – со стороны «левой» прессы («Завтра», «День литературы»).

Литература с начала 1990-х распалась на множество кружков и групп.

Литература, условно говоря антилиберальная, притянула, *втянула* в себя разные формальные и неформальные объединения. Помогло – опять же парадоксальным образом – ей

и то, что она была «не при власти», что вся ее объединенная антилиберализмом идеология противостояла тем, кто выступал за демократические реформы, за свободу слова, за его раскрепощение. Тем, кто поддерживал демократические изменения и власть, которая их порою так неуклюже осуществляла.

2

Либеральная мысль открыто заявила о себе начиная с 1986 года – одновременно с освобождением литературы из-под государственного управления, а затем и из-под цензуры.

Свидетельством этого освобождения и транслятором либеральной мысли стали толстые литературные журналы: художественные разделы были полны републикаций из эмигрантской литературы, литературы метрополии, вынутой из-под спуда. Была легализована литература андеграунда. Разделы общественно-политические (в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Звезда», «Юность», «Нева», в еженедельниках «Огонек», «Московские новости») были отданы статьям и публикациям, открывающим адаптированную проблематику либерализма – через ранее «вытесненные» тексты – читателю. Адресат литературных журналов получал свой пакет: проза – стихи – философский трактат – историческая публикация – критика – эссе. Литературно-критические статьи ведущих критиков исполняли роль интегратора художественной и общественной мысли. В переломный, очень ответственный исторический момент бестселлерами стали роман Александра Бека «Новое назначение» (Знамя. 1986. № 10—11) вкупе с аналитической рецензией на этот роман Гавриила Попова (Наука и жизнь. 1987. № 4). Соображениями по поводу статьи Николая Шме-

лева «Авансы и долги» или заметки Л. Попковой «Где пышнее пироги» (Новый мир. 1987. № 5) обменивались наряду с впечатлениями от романов «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова («Дружба народов») или «Белые одежды» Владимира Дудинцева («Нева»).

Все эти либеральные симфонии были бы невозможны без продуманной политики журналов и без выбора четкой журнальной позиции. Однако качество рефлексии и комментариев по поводу «вытесненных», а теперь печатаемых текстов, как правило, не отличались глубиной и значительностью. «Для аналитического освоения этих „вытесненных“ текстов, созданных их авторами в совершенно других социальных и культурных обстоятельствах, по иным поводам и причинам, из иного мыслительного материала, как и вообще для работы с неочевидной проблематикой „забытого“, „промежуточного“ и „вычеркнутого“, у литературно-критического сообщества не оказалось необходимых средств, развитых языков обсуждения, способов сложной многоуровневой рефлексии. Популяризаторская профессорская публицистика тех лет – экономическая, историческая, правовая – по тогдашней необходимости или же по всегдашней советской привычке рассчитывала на троечников и при всей полезности намерений исчерпала свои возможности буквально за год-другой. Других интеллектуальных ресурсов за пределами привычной и в общем уже архаической для конца XX века роли просветителей власти и народа у отечественной ин-

теллигенции не нашлось», – заключают социологи Лев Гудков и Борис Дубин⁴. Упрек знаменательный.

Итак, с 1986—1987 годов в обществе нарастает притягательность слова *демократия*. Официально объявленная Горбачевым «демократизация» страны трактуется как процесс, путь к демократии. Но демократ – это тот, кто уже есть. Кого надо услышать.

И писатели, литераторы в широком смысле слова, публицисты, литературные критики становятся ведущими в деле формирования стоящих перед обществом (и человеком) задач, трансляторами демократических убеждений – или, наоборот, их противниками (как *заединицики* из «Молодой гвардии», «Нашего современника», газеты «Московский литератор» и т. д.).

Роль литературы, писателя как *властителя дум*, сам вес его слова в этот период возрастает. Редкий номер влиятельной и влияющей на сознание общества газеты «Московские новости», стремительно набирающей популярность, обходится без манифестационных писательских выступлений: интервью, размышлений, «колонок». Газета советско-либерального направления заводит специальную рубрику для выступлений известных писателей-либералов; первыми здесь печатаются Вениамин Каверин, Юрий Нагибин, Владимир

⁴ Гудков Л., Дубин Б. Издательское дело, литературная культура и печатные коммуникации в современной России // Либеральные реформы и культура: Сб. статей. М., 2003. С. 41.

Дудинцев. основополагающие тезисы у всех близки: свобода, нравственность, гуманность. Писатели демократической направленности организуют свое новое писательское сообщество «Апрель». Тиражи толстых литературных журналов стремительно растут и достигают запредельного уровня: 2, 5 миллиона экземпляров у «Нового мира», 1, 8 миллиона у «Дружбы народов», миллион у «Знамени». Читатели поддерживают направление, избранное журналами, которые публикуют запрещенную, «спрятанную» литературу. Поддерживают и демократические идеи: журнал «Огонек», маркировавший новую жизнь статьей о Николае Гумилеве (апрель 1986 года), становится *местом встречи* писателя-демократа с демократом-читателем (см. еженедельно публикуемые письма в редакцию – одну из самых живых и захватывающе интересных рубрик коротичевского «Огонька»).

Внутри КПСС образуется так называемая *демократическая платформа*.

Слово «либерал» по отношению к «советскому» явлению появляется в печати в кавычках. Его употребляют, например, П. Вайль и А. Генис в 1988 году – в книге «60-е», вышедшей сначала в США. «Либералом» авторы именуют А. Твардовского – в отличие от «охранителя» (тоже в кавычках по тексту) В. Кочетова.⁵

Идейная, общественно-политическая борьба в литературе конца 1980-х развела писателей, расколола литературу

⁵ Вайль П., Генис А. 60-е. Нью-Йорк, 1988. С. 161.

на два противостоящих лагеря – и либералам без кавычек в этой ситуации трудно было выдерживать либеральные принципы; либералы западной ориентации (а либералов-«патриотов» тогда в наличии не было) соединялись с демократами. После августа 1991-го и особенно после начала либеральных экономических реформ в либерально-демократическом обществе происходят подвижки и изменения.

Но еще до этого, в конце 1980-х, в либерально-демократической среде образуются два направления: условно говоря, сахаровское и солженицынское. Начинается полемика – между критикой и публицистикой «Знамени», «Огонька», «Московских новостей» и «Нового мира». Со стороны последнего в адрес «Знамени» звучат термины «либеральная жандармерия», «либеральный террор»⁶, подхваченные не столько у публицистов конца XIX – начала XX века, сколько у критиков «Молодой гвардии» и «Нашего современника», у агрессивно «антилиберальных» Владимира Бондаренко, М. Любомудрова и М. Лобанова. Ситуация усложняется: либералы, естественно, реагируют на ложные, с их точки зрения, обвинения. Этот этап исторически фиксируется как первый раскол среди либералов. Литературная борьба вокруг идей Солженицына приобретает острый идеологический характер. К его авторитету, литературному, нравственному и политическому, апеллируют с разных сторон: либералы трактуют Солженицына как идеолога возвратного пути

⁶ Латынина А. Колокольный звон – не молитва // Новый мир. 1989. № 10.

к государственнической, монархической России и чуть ли не «аятоллу» (например, А. Синявский); для других он провозвестник, «трибун и глашатай свободы <...> бескомпромиссно яростный обличитель всякой тирании, всякого насилия над человеком и обществом».⁷

После августа 1991-го размежевание среди литераторов-либералов обостряется: речь идет уже о выборе нового пути для новой России, нового государства.

⁷ Чупринин С. Ситуация // Знамя. 1990. № 1.

3

Изменения, затронувшие в новый политический период все без исключения стороны жизни общества, вызвали осенью 1993 года новый политический кризис; борьба вокруг либеральных ценностей, либеральной идеологии приводит к новому расколу среди либералов. В результате реализации свободного предпринимательства, освобождения от ограничений, от контроля со стороны государства либералы разделились на активных сторонников и на не менее активных критиков осуществляемой политики. Либерал (в совсем недавнем прошлом) по убеждениям, постоянный (и пылкий по пафосной стилистике выступлений) автор «Московских новостей» Людмила Сараскина писала: «Та идеология, которая сегодня разрабатывается под видом либеральной, рассчитана даже не на двойной, а на тройной стандарт, когда цены опускают до уровня мировых, зарплату опускают до минимума советских, а благодарности за это ждут как за „наше счастливое детство“. Человека бросают в стихию рынка, но при этом рассчитывают на его социалистическую сознательность; человек на своей шкуре понял и осознал, что шоковая терапия провалилась, но „цивилизованным“ считается поведение, которое этого провала <...> как бы не замечает, ибо критиковать реформы „нелиберально“. Идеологи вульгарного либерализма пропагандируют преимущества либерально-

го общества и либерального строя таким образом, будто мы эти преимущества уже попробовали и от них, как идиоты, отказываемся. Но спорить при этом интеллектуалу-одиночке опасно – заподозрят в симпатии к оппозиции и поставят на вид».⁸

На «круглом столе», проведенном в журнале «Знамя», был зафиксирован «раскол в либералах»; подобное происходило каждый раз перед лицом вызова исторической реальности, и этот раскол, по оценке событий 3–4 октября 1993 года, стал чрезвычайно острым. Более сорока писателей, подписавших обращение к президенту Ельцину, оказались автоматически зачислены (в том числе и отколовшимися, «бывшими» либералами) уже не просто в «либеральную жандармерию». В своей работе, отчасти посвященной итогам «литературного» 1993-го, я констатировала: «Распад либерального лагеря привел к тому, что не только „игра“ пошла на своей половине поля, но и „борьба“ – тоже»⁹. С тех пор, в связи с новыми историческими кризисами, сообщество либералов неоднократно переживало расколы. Следующим таким кризисом стала военная операция в Чечне: либералам, ее поддержавшим, оппонировали либералы, критикующие политику Ельцина. Но тогда противоречия и противостоя-

⁸ Сараскина Л. На безрыбье. Самоидентификация от противного и очень противного // Знамя. 1993. № 10. С. 166.

⁹ Иванова Н. Игра не по правилам // Иванова Н. Скрытый сюжет: Русская литература на переходе через век. СПб., 2003. С. 358.

ния «тактически» отставили в сторону по причине надвигающихся президентских выборов 1996 года.

Еще один раскол вызвали дефолт 1998-го и оценка стратегии и тактики очередного либерального правительства С. Кириенко. Следующий – отставка Ельцина и назначение в наследники, а затем и выборы В. В. Путина... Начало второй чеченской кампании... И так далее – вплоть до наших дней.

Либерал потому и либерал, что гражданский выбор его принципиально свободен. И посему к объединениям он склонен гораздо меньше, чем к уединению (тем более если либерал – литератор). Либерала тяготит сама мысль об организации, об организованности – скажем, об организованном выступлении, митинге, в которых всегда участвовали (и которые организовывали) демократы.

Среди литераторов либералов последовательных, сохранивших свое лицо и идентичность в связи с расколами (и отходами в сторону), оставалось все меньше. И охотников нести на себе груз ответственности за либеральные реформы, либерализацию цен, либеральную политику Ельцина – тоже. Либералов, стремящихся разобраться во всем спектре проблем, с которыми столкнулось и продолжает сталкиваться общество, – еще меньше.

Либералы среди политиков в данном отношении положительного примера не подавали. Нарастающий в России кризис, постигший и без того неотрефлексированное по-настоящему либеральное движение, привел их к поражению на де-

кабрьских (2003 года) выборах в Государственную думу.

Либерализм как течение современной мысли, реализовать которую пытались многие писатели (в своем творчестве – и в своей гражданской позиции, в своем гражданском выборе), также оказался неотрефлексированным. Как *свод идей* современный либерализм во всех своих противоречиях и кризисах так и не был предъявлен обществу.

Но борьба идей внутри либерализма – и, разумеется, оппонирование этим идеям – в литературе не прекращается. Напротив: новые импульсы она обрела именно с началом XXI века. В новом поколении литераторов появились радикальные оппоненты либерализму.

4

Является ли либерализм в России сегодня вообще идеологией? Или он был адаптированным умонастроением значительной части интеллигенции в советское время, в условиях советского режима?

Или либерализм – это защита ценностей свободы, которая в условиях бесцензурного существования утратила для литераторов свою важность?

Литераторы-радикалы стали поддерживать как раз антилиберальные тенденции в литературе. Воинствующий антилиберал Проханов получил за роман «Господин Гексоген» премию «Национальный бестселлер»; воинствующе антилиберальные сочинения – например, «Другая Россия» Эдуарда Лимонова – выходят в издательствах Ad Marginem и «Ультра. Культура», которые делают на антилиберализме свою либеральную издательскую политику.

Напор антилиберальной критики энергичен и, более того, агрессивен: целые медиапроекты, например газета «Консерватор» (вторая редакция), проводили последовательную и разработанную антилиберальную политику. Однако либералы не хотели и не хотят признавать не то что поражения – даже кризиса.

При этом антилиберальные тенденции были представлены на широком политическом (и литературном) фоне. И

сопровождались целым спектром антилиберальных выступлений по самым разнообразным вопросам: антиамериканских, антиглобалистских, антизападных вообще. Трудности социально-экономического характера, переживаемые обществом, подогревали реваншистские, реставрационные настроения. Неотчетливость государственной идеологии, усиление рыночных реформ и сокращение социальных гарантий приводили – и приводят сегодня – к нарастанию враждебности населения России по отношению ко всему, обозначенному как *либеральное*.

Получается парадокс: в результате как затягивания непопулярных реформ, так и их ускорения все бóльшую силу набирает антилиберальное направление мысли – у разных писателей: от реликтов советской литературы до радикальных представителей авангардных и постмодернистских эстетик.

Здесь важны не только оттенки, но и складывающаяся из мозаики совокупная картина.

«Красный» реваншистский антилиберализм Юрия Бондарева, Михаила Алексева, Валерия Ганичева, например, традиционен: в советские времена они противостояли советскому либерализму, распространенному в среде московского отделения Союза писателей, в «перестройку» яростно обличали Горбачева; сопротивлялись переменам, поддерживали Лигачева и объединялись вокруг известного «письма» Нины Андреевой в редакцию газеты «Советская Россия» «Не могу поступаться принципами».

Вторая составляющая антилиберального направления в литературе – это писатели, группирующиеся вокруг газет «Завтра» и «День литературы»: «красная» и «белая» идеи в смешанном виде. Александр Проханов и Владимир Бондаренко предоставляют место постоянным авторам, оппозиционным и к либерализму, и к самому путинскому правлению, которые они считают замаскированным, прозападным, а на самом деле – продолжающим «либеральное» дело Ельцина.

Ретроградный антилиберализм проповедует в своих статьях Александр Ципко, чаще всего на страницах теперешней «Литературной газеты», в прошлом – издания (по установке) советско-либерального, выделяющегося своим либерализмом из всей советской прессы. Официально – но в рамках – разрешенный либерализм, либерализм для «целевой» аудитории, «предназначенный» властью для позиционирования «Литературной газеты», был подхвачен и развит ее либеральными сотрудниками. Что касается современности, то сегодня «Литературная газета» в лице своего обозревателя Александра Ципко имеет одного из постоянных трибунов антилиберализма.

Несмотря на совершенно иную, противоположную А. Ципко идейную биографию, по нынешним позициям с ним смыкаются Александр Зиновьев – автор «Зияющих высот», философ-диссидент, эмигрант, а в последнее десятилетие, после своего возвращения в Россию, постоянный оппонент либеральной мысли, – и Виктор Третьяков, бывший главный

редактор «Независимой газеты», ныне один из постоянных авторов «ЛГ».

«Литературная газета» осуществляет связь между писателями, условно говоря, еще советского антилиберализма с писателями-антилибералами других поколений. Если говорить о позиции газеты, то здесь знаковым стало возвращение профиля Горького – как основателя Союза писателей и инициатора возобновления газеты. (Реабилитация самой идеи Союза писателей как коллективного организатора единой литературной жизни идет через положительное переосмысление – после «перестроечного» низвержения – опыта в связи 70-летним юбилеем I съезда СП СССР¹⁰.)

Разновидности современного антилиберализма в литературе объединяет отрицательное отношение к недавним историческим периодам либерализации (Михаил Горбачев, «перестройка», «гласность») и либерализма (Борис Ельцин, Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, либеральные реформы). Колеблется и до конца не определено отношение к Владимиру Путину. С одной стороны, приветствуется его *борьба с олигархом* (Михаил Ходорковский), ужесточение государственного контроля, идея возрождения «великой державы», опора на патриотизм и национальное прошлое, восстановление советских знаков и ритуалов, включение советского периода в положительную историосферу (красное знамя РА, ста-

¹⁰ См.: Крутин В., Шестинский О., Ваншенкин К. и др. Союз в моей жизни // Литературная газета. 2004. 11—17 августа

рый/новый гимны), государственная поддержка православной церкви и т. д. Путин как бы идеально соединяет «красных» патриотов (чекистское прошлое, реабилитация брежневского и отчасти сталинского периода – вплоть до почетной памятной доски Ю. В. Андропову, пафосного выступления перед ветеранами на праздновании 80-летия ЧК – НКВД – КГБ и т. д.) с «белыми» (публичная воцерковленность, игра на воссоединение Зарубежной и Российской Церквей, апелляция к «великой России»). С другой стороны, Путин настораживает своим экономическим либерализмом. Сейчас, когда либералы от «Яблока» и СПС не попали в Государственную думу, именно Путин представляет правый фланг либерализма во власти, демонстративно поправляя, например, нелиберальный закон о митингах. Правда, Путин сам скорректировал этот либерализм антилиберальным законопроектом, ликвидирующим выборы губернаторов.

Отношение к предыдущим историческим периодам, их оценка объединяет антилибералов – ветеранов (М. Алексеев, Ю. Бондарев и др.), *среднего* (условно) поколения (А. Ципко, В. Третьяков и др.), экстремистов (Э. Лимонов с его национал-большевистской партией) с молодыми антилибералами – как радикалами, так и консерваторами от литературы. Праворадикален в своих текстах, проектах и выступлениях антилиберал и романтический консерватор Дмитрий Галковский¹¹. Вызывающе антилиберальные выступле-

¹¹ Галковский Д. Пропаганда. М., 2003.

ния в «Независимой газете», направленные против «советских философов» и шестидесятников, книга «Бесконечный тупик», печатавшаяся фрагментами в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Континент», так же резко антилиберальны, как и составленная им антология советской поэзии «Уткоречь» и статьи о советской поэзии.

Праворадикалы, леворадикалы, «монстры» советской литературы образуют не единство, а круги с пересекающимися поверхностями. Пересечения идут по следующим вопросам: 1) СССР и советское прошлое; 2) Российская империя, монархия; 3) коммунистическая партия; 4) Сталин и сталинизм; 5) антисемитизм, «антисемитофобия». Набор предпочтений может быть разным – но набирают из одного мешка.

Левые *радикалы* подсоединяют к положительному опыту советскую историю и советскую литературу, например советский «трэш» в проекте «Атлантида» издательства Ad Marginem с издательским слоганом «назад, в будущее!». «Эта литература безумно оптимистична (социализм и подразумевает социальный оптимизм, устремленность в «светлое будущее», идеальных положительных героев времени и однозначных врагов. – *Н. И.*), люди верили, что будущее – за дверью (роль пропаганды в такого рода литературе. – *Н. И.*) <...> „Атлантида“ направлена на возврат базовых понятий, которые нельзя терять. Это попытка преодолеть разрыв, когда в угоду политическим установкам в 90-е годы люди отказывались от родителей – простых советских служащих»¹². Таким образом, цели, сформулированные издателем, – отнюдь не эстетические, а идеологические, с ключевыми словами «возврат базовых ценностей», где под *базовыми* определены *советские*. В отличие, например, от диссидента в советском прошлом Г. Павловского, который определяет *базовые ценности* как антисоциалистические и антисоветские: «А после того как кто угодно – хоть Калугин, хоть любой предатель – назвался диссидентом, слово ничего не

¹² Михаил Котомин в беседе с Ольгой Дунаевской // Московские новости. 2003. № 21.

значит. Вот пример: шестидесятников называют диссидентами, и они это повторяют. А тогда разницу хорошо ощущали, ведь Движение доопределилось именно после ошеломляющего предательства шестидесятниками, всей средой переметнувшимися в начале 70-х годов на сторону „реального социализма“. Диссиденты составились в Движение из тех, кто отказался предать базовые ценности». ¹³

Показательной линией, разграничивающей либералов и антилибералов, является не отношение их к свободе (здесь почти все без исключения клянутся свободой и требуют свободы, – и как только либералы проявляют свою жесткую позицию к антилибералам, их тут же «ловят» на антилиберализме), а отношение к Западу.

Вспоминая время «перестройки» и идеологическое самоопределение в нем, Александр Ципко пишет: «... наша полемика с Игорем Клямкиным в конце восьмидесятых – начале девяностых годов по поводу истоков сталинизма как раз и была началом диалога между возрождающимися тогда „либералами-националистами» и зарождающимися „либералами-западниками“». Но здесь же Ципко обвиняет во всех придуманных им лично («как я убежден» – доказательств нет, только мысль о «враге») грехах именно «либералов-западников», оставляя, видимо, за собой определение «либерал», которое ему никак не соответствует: «Новые западники го-

¹³ Павловский Г. «Поиски»: Провалившееся восстание / Беседовала Татьяна Трофимова // Русский журнал. 2003. 9 июня [www. russ. ru/politics](http://www.russ.ru/politics).

воят себе (? – *Н. И.*), что их больше всего заботит благосостояние, которого никогда в России не было, заботит будущее свободы в России. Но на самом деле ими, *как я убежден*, движет слепой, но всеильный инстинкт разрушения российской государственности»¹⁴. В мобилизационном духе высказывается публицист Егор Холмогоров: «И офицерский, и солдатский состав русской армии должны приобрести характер открытой касты, в которую вход – рубль, выход – вперед ногами. Другое дело – как достичь этого, преодолев демократию либеральную и социальную, как вызвать таким переходом у народа не недовольство, а энтузиазм?»¹⁵

Формируется отношение к Западу как к мифу – силе, так или иначе противостоящей, враждебной России. Антилиберализм продолжает традицию советского восприятия Запада – как врага (в широком контексте: от глобализма до НАТО, от ЕС и США до ВТО и Израиля). Публицист Гейдар Джемаль в беседе с Дмитрием Быковым заявляет: «Россия станет центром огромного интернационального проекта. <...> Безусловно антизападного, безусловно антипрагматичного и международного. <...> Не обязательно [исламского]. Но в любом случае религиозного. Тогда и национальная идея появится сама собой, и люди...»¹⁶

¹⁴ *Ципко А.* На западном фронте // Литературная газета. 2003. 9–15 апреля. № 14.

¹⁵ *Холмогоров Е.* Оборонное сознание // Консерватор. 2003. 28 марта. № 11.

¹⁶ *Джемаль Г.* Новые люди спускаются из тумана / Беседу вел Дмитрий Быков //

И здесь к вышеперечисленному конгломерату антилибералов примыкают новые составляющие: 1) правоконсервативная и 2) леворадикальная. Представленные в одном (молодом) поколении.

Правоконсервативная, как она себя заявила, – это группа литераторов во второй редакции недолго просуществовавшей газеты «Консерватор».

Дмитрий Быков: «Тактика их все та же – гуманизм на марше. Мы не хотим кровопролития. Мы не хотим ни великой России, ни великих потрясений (потому что сегодня уже ясно, что без великих потрясений никакой великой России не будет)»¹⁷. Это – *мягкий* вариант идеологического формулирования, дополненный в газете жесткими установками: «... все тот же прекраснодумный либерализм: мечтания о старосоветском Человеке Воспитанном, до которого гадкое человечество со щипцами все никак не дорастет. Все мешает „вредная невоспитанная обезьяна“ внутри человека, низшее животное начало. Просвещенческая у топия, XIX век... Философия класса, ничего не забывшего и ничему не научившегося. Помилуйте, господа. Помилуйте, господа. Ну при чем тут ваше „воспитание“. Для начала не надо быть падлой. Падлой не надо быть (лексически и синтаксически любопытный прием полемики; видимо, философски антилиберальный: заклеить „личность“ оппонента блатным словеч-

Консерватор. 2003. 11 апреля. № 13.

¹⁷ Быков Д. // Консерватор. 2003. 30 мая. № 18.

ком. – Н. И.). И зарубить себе на носу, что измена Родине (а интеллигенция коллективно совершила именно это) себя не окупает (обвинение тянет на статью УК. – Н. И.). Вот тогда, может быть, вы и отползете от параша (уголовный, угрожающий язык. – Н. И.)».¹⁸

Совсем, казалось бы, с другой стороны входит в состав антилибералов леворадикальное направление. «Спецназ России», «Левая Россия», «Завтра» постоянно публикуют статьи, нет, точнее, по жанру это манифесты, предназначенные для стимуляции леворадикальных практик, и не только¹⁹. Здесь оказывается пригодной и опора на леворадикальные авторитеты из зарубежья («На самом деле ситуация с книгой Маркоса – это *прорыв*. <...> Выходили ведь и раньше книги левых теоретиков – буржуазные СМИ их *игнорировали*. Игнорировать Маркоса оказалось невозможно потому, что *дети главных редакторов и редакторов отделов* этих самых буржуазных СМИ стали читать Маркоса и зачитываться им»²⁰), и апелляция к сталинизму («Вершина существо-

¹⁸ Крылов К. Проклятая свинья жизни // Консерватор. 2003. 23 мая. № 17.

¹⁹ «Но несколько автоматов, приобретенных нацболами, – на мой взгляд, сухая ерунда по сравнению с той кошмарной утопией, которой грезит Лимонов, талантливо вбивая свои страшные бредни в неокрепшие мозги молодых маргиналов» (Латынина А. Суд и автомат // Время МН. 2003. 22 апреля). Комментирует А. Василевский, составитель раздела «Периодика» в журнале «Новый мир»: «...она же замечает, что по сравнению с лимоновской „Другой Россией“ „Майн Кампф“ кажется невинной либеральной болтовней» (Новый мир. 2003. № 7. С. 216).

²⁰ Тарасов А. На стороне Ацтеков: Послания моему редактору Антону Баум-

вания Советского Союза – Сталинский проект представлял собой идеальный тип предельной эффективности. По-видимому, люди просто не в состоянии выдерживать существование с такой интенсивностью. <...> При Сталине это был, по-видимому, самый быстрый и эффективный селекционный механизм – поставить невыполнимую задачу и, выхватывая почти вслепую кандидатов с самого низа, мгновенно отбраковывать несправившихся, пока не находился тот, кто делал задачу выполнимой».²¹

Леворадикалов и ультраправых консерваторов в России в равной степени разделяет и объединяет отношение к коммунизму и коммунистическим идеям, отношение к евреям и антисемитизму, к Сталину и Ленину. Если в газете «Консерватор» Дмитрий Быков (как один из замов редактора) представлял точку зрения скорее праворадикальную, то Дмитрий Ольшанский (другой замредактора) – скорее младолеворадикальную. Однако в статье к годовщине со дня рождения Ленина он кардинально пересматривает дело уже списанного «вдохновенного людоеда»²² под знаком борьбы с либерализмом: «Несть числа дряни, что наговорена о Ленине в последние пятнадцать лет <...> либеральная публика визжала о „германских деньгах“ и в те времена, стыдливо умалчивая о средствах английских и общемасонских, потраченных на

гарштейну // Левая Россия: Политический понедельник. 2003. 4 июля. № 14(90).

²¹ Асриян А. Сталинизм... // Спецназ России. 2003. № 3(78).

²² Архангельский А. А гроб и ныне там // Известия. 2003. 22 апреля. № 71.

нее, такую неподкупную»; «...главный исторический смысл сделанного Лениным <...> расквитаться с Западом за новации гнусного Петра...»; «Именно Владимиру Ильичу должны мы сказать спасибо за то, что у нас до сих пор, слава Богу, не Европа...»; «...Ленин был наш выдающийся государственный и консерватор ...»²³

Главный редактор журнала «НЛО» Ирина Прохорова справедливо считает, что сегодня в обществе отсутствует «элементарная система координат»²⁴, при этом имея в виду эстетическую, – но совершенно так же отсутствует (пример – выше) и политическая система координат, даже у писателей и журналистов, работающих вместе и должны предлагать обществу совместный четкий политический месседж. Отсюда не только неадекватность, но и раздвоенность политической идентификации – наряду с прямолинейностью (как у отдельного СМИ, так и – бывает – у одного литератора, у одного журналиста).

При сбитости, неадекватности реагирования, при отсутствии системы координат слова и понятия меняют, а то и теряют свое значение. Тем более если все это происходит еще и внутри кризиса самих политических идей.

Проект «Либерализм: взгляд из литературы» начинался

²³ Ольшевский Д. Керженский дух, игуменский окрик // Консерватор. 2003. 18 апреля. № 14.

²⁴ Цит. по: Осминская Н. От литературного ренессанса к гуманитарной революции // НГ-Ex libris. 2003. 10 апреля. № 13.

осенью 2003 года, за полгода до «дела ЮКОСа» и за полгода до статьи «Кризис либерализма», присланной М. Ходорковским из тюрьмы. Но сама идеология либерализма еще до всего этого подвергалась – в течение последних лет – жесткой критике, констатирующей наличие серьезных проблем внутри либерализма в России. И очевидно, это не могло не затронуть литературу, не выразиться в литературной – в том числе – полемике.

Наблюдательный совет первой редакции газеты «Консерватор», просуществовавшей совсем недолго и выпустившей всего шестнадцать номеров, возглавила Татьяна Толстая. Она же попыталась формулировать на страницах «Консерватора» прежде всего идеологию либерального консерватизма. Первую редакцию в скором времени сменила вторая – и уже в пятом номере последовала отповедь Татьяне Толстой со стороны *новой* редакции «Консерватора», рвущей – наглядно для читателя – с редакцией старой. В памфлете Дмитрия Быкова «Из бывших» слово «фашист» (и однокорневые с ним), которое в интервью радиостанции «Эхо Москвы» Толстая употребила, оценивая окрашенность идеологии новой редакции, повторялось десять раз, с возмущением и негодованием по поводу Толстой. От «фашиста» (хотя выдержки и цитаты, приведенные выше, свидетельствуют о пропаганде изоляционизма и враждебности по отношению к «другим» – этнически в том числе; а зам. главного редактора Д. Ольшанский гордо определил на страницах газеты свои убеждения

как «черносотенство») Быков агрессивно переходит к «либералу» и «либерализму» – и здесь контекст слова носит исключительно негативный характер: «Уж как-нибудь, наверное, Татьяна Никитична встречала слабоумных на своем веку – круг общения, чай, широкий, одних либералов штук сто»; «И Толстая <...> не может не видеть, до какой степени пошел весь этот круг и насколько тут неуместен человек с талантом. Однако здесь сейчас слава и зеленые либеральные ценности, а от таких вещей отказаться, увы, невозможно»; «Сейчас эти эссе, собранные в книги „День“ и „Изюм“, поражают бедностью мысли, ее ограниченностью, что в либеральных кругах всегда приветствовалось»; «...либеральная тусовка как затянула свою песню о желательности тихого омута, так и тянет ее до сих пор»²⁵ и т. д. Д. Быков клеймит либерализм и все связанное с этим понятием в своем памфлете, он же расправляется с либерализмом, его бесхребетностью в романе «Оправдание». Сюжет прост: Сталин и сталинщина *выбирают* из людей самых стойких, специально испытывая их в лагерях, – выживают (и тренируются) сильнейшие духом и телом, победившие в Великую Отечественную. Сюжет должен был, по намерению автора, вызвать возмущенную реакцию в либеральной литературной среде, – однако возмущение, если и последовало, касалось скорее *языка* данного сочинения, нежели авторских идей.

²⁵ Быков Д. Из бывших: Татьяна Никитична громко плачет, а мячик плывет // Консерватор. 2004. 14—20 февраля. № 5(21).

Практически одновременно с «Консерватором» обеих недолговечных редакций появились в печати рассказы и повести Владимира Маканина из задуманной им книги «Высокая-высокая луна»: «Неадекватен», «За кого проголосует маленький человек» (Новый мир. 2002. № 5), «Без политики» (Там же. 2003. № 8), «Долгожители» (Там же. 2003. № 9), «Могли ли демократы написать гимн...» (Там же. 2003. № 10). Маканин – писатель с явным даром общественно-политического предвидения, диагност и социальный критик, прекрасно ощущающий на уровне «камешка» сейсмические подвижки и грозящие обвалом изменения в обществе, кризисы и господство разных идей, их «круговорот», фиксирует внимание читателя на отсутствии энергии, истощенности, *импотенции* «либералов» и «демократов», не без сарказма и гротеска им изображенных. Еще в 2001 году литературоведом Андреем Зориным было отмечено как очевидное, что в стране и обществе «растут акции правого неоконсерватизма, своего рода неопочвенничество и новое государственничество. <...> Конечно, в этой волне кто-то четче и осмысленнее рефлектирует собственную эволюцию, а кто-то продолжает называть себя либералом».²⁶

С начала XXI века от самоопределения «либерал» (или тем более «демократ») не без «помощи» либеральной прессы и литературы, плоско, поверхностно, ангажированно мус-

²⁶ Андрей Зорин в беседе с Модестом Колеровым // Время МН. 2001.7 августа. № 137.

сирующих это слово (и понятие), начинает веять чем-то затхло-стоическим в духе ритуального шестидесятничества. Слово *либерал* попадает в одно смысловое гнездо со словом (и понятием) *интеллигент*, подвергающимся осмеянию и низвержению. «Так что прощай, интеллигенция, тебе уже почти никто руки не подает. А мы для своего культурного сословия найдем новое имя, приличное. Да и это, кстати, как будто неплохо звучит: русское культурное сословие».²⁷

²⁷ Лоциц Ю., Уханов И. Выстоять и выстрадать // Завтра. 2001.8 сентября. № 38.

6

Неотрефлектированность и неоформленность, несформулированность *либеральных идей* объяснимы: границы либерализма в принципе подвижны, эластичны, но не беспредельны: он включает в себя различные области, адаптируя их; для либерализма «другой» – не враг, как для антилиберала, а действительно «другой», имеющий право на свою инакость.

Либерализм исповедует политкорректность и толерантность, подвергая критике соответственно непolitкорректность и нетолерантность. В свою очередь, либерализм со стороны антилиберализма подвергается сегодня обструкции в качестве идеологии свободного рынка и свободного предпринимательства в экономике, в качестве идеологии свободы – как вседозволенности – в литературе.

Одним из острых публичных конфликтов вокруг либерализма в литературе стал конфликт вокруг произведений Владимира Сорокина. Литературные либералы – в силу своего либерализма – защищали Сорокина от обвинений в порнографии; однако общественное мнение против Сорокина возбуждали те, кто на политической карте позиционируют себя как либералы («Идущие вместе» поддерживают государственную идеологию – так, как они ее понимают). А идейными союзниками «Идущих вместе» (демонстративно уничто-

жающими книги Сорокина) стали как раз антилибералы, выступившие против свободы печати. «Идущие вместе» попытались противопоставить книгам Сорокина и Пелевина книги Бориса Васильева, как раз вполне либерального по духу писателя (отказавшегося от манипулирования его именем в нечистой игре). Проверкой общества на либерализм стал и вопрос о цензуре. На самом деле борьба либеральных тенденций с антилиберальными происходит постоянно и внутри либеральных обществ (и даже стран, избравших либерализм основой своего устройства и политики – например, в США любой общественно важный вопрос дискутируется, в том числе и с противоположной либеральной точки зрения). Важно, что в конце концов побеждает – «лакмусовой бумажкой» здесь является либо запрет, либо разрешение. Границы для литературы, полагаемые обществом возможными, являются здесь серьезным, знаковым показателем.

Но либерализм в своей безграничности разрешений одновременно и парадоксально выступает ограничителем самого себя – через борьбу за разрешение оппонента (снятие с него запрета): например, новое либеральное и демократическое государство, возникшее после августа 1991-го, разрешило крайне антилиберальные периодические издания.

При этом если либерализм в литературе не оживляется инъекциями радикальных экспериментов, то не становится ли вялым, эпигонским, безжизненным? И сокращение территории влияния либеральных идей не происходит ли, в

частности, за счет того, что многие либеральные писатели исчерпали – или исчерпывают – свою креативность, повторяя либеральные банальности? Ведь либеральные идеи – не стоячая вода, они нуждаются в движении и развитии.

Но либералы (в том числе и от литературы) *отрекаются от либерализма, когда видят его трудности* и не очень приятные последствия.

Вся история «интеллигенции при „свободе“ – стыд и позор, – пишет, например, Александр Агеев в дискуссионном „конференц-зале“ журнала „Знамя“. – <...> Первые шаги по либеральному пути были встречены почти единодушной интеллигентской истерикой: вся ответственность за безобразие происходящего была поспешно свалена на „чужую власть», как писал тогда Ю. Буртин. Расстрел Белого дома, первая чеченская война, залоговые аукционы, выборы 1996 года – все эти события тут же становились поводом для публичного „умывания рук“, и главным делом среднего „интеллигента“ было не понять логику событий, а яростно отмежеваться от государства, которое, между тем, худо-бедно продолжало защищать базовые свободы»²⁸. В своем отходе (и страхе) «либеральная общественность не дала нам освободиться от тяжелой длани коммунистов, которые <...> потом смекнули, как им подфартило с союзниками. <...> Первый президент демократической России, выдающееся лицо россий-

²⁸ Агеев А. Выступление в «конференц-зале» «Раскол в либералах» // Знамя. 2002. № 1. С. 161.

ской истории, оказался трагической фигурой. Он победил коммунистов, но пал под ударами либералов». Философ Рената Гальцева, которой принадлежат эти слова, считает, что «поведение оппозиционно настроенных» привело к «тотальной идеологии беспредельного расsvобождения», отодвинув на задний план идеи классического либерализма²⁹. Но нельзя было не заметить, что эта идеология клялась либерализмом и блюла свои границы, устраивая, по замечанию Л. Сараскиной, «тест» на вступление в либеральную партию – однозначным (и только!) отношением к тому или иному событию или деятелю³⁰. А с другой стороны – как же обойтись без прямого, не виляющего ответа на грозные вызовы времени? На вопрос об 11 сентября, например, Семен Файбисович отвечает однозначно³¹, а Людмила Сараскина иронизирует через месяц с небольшим после катастрофы в Нью-Йорке: «И что-то не видно ни такого либерального СМИ, ни таких смельчаков-журналистов, которые бы, по громким примерам своих прославленных коллег, дерзнули обратиться горными тропами к тем, „кто не с нами“, чтобы дать им микрофон. И что-то не слышно правозащитников, готовых перед всем миром защитить право этих потенциальных героев на исполнение профессионального долга». То есть идти «горными тропами» к Бен Ладену за его «правдой»: по идее

²⁹ Гальцева Р. // Там же. С. 163.

³⁰ Сараскина Л. // Там же. С. 165.

³¹ Файбисович С. // Там же. С. 170.

почти совпадает с антиамериканским злорадством комментаторов в газете «Завтра». Сараскина утверждает, что это и есть плюрализм, либерализм и т. д. *в действии.*

Литература боролась за свободу – в течение десятилетий советской власти, даже *внутри* внешнего, порою почтительного, подчинения этой власти. Эзоповым языком написаны замечательные книги, авторы которых как бы заключали негласный договор с понимающим читателем, декодирующим зашифрованный текст.

Литература боролась за свободу – через самиздат. Ее авторы подвергались преследованиям, но саму литературу это не останавливало.

Как литература воспользовалась дарами свободы?

Андрей Немзер поставил свой диагноз: «Замечательное десятилетие», так называется сборник его статей и рецензий, посвященных литературе последних лет.

Алла Латынина – свой: ее статья «Сумерки литературы» открыла дискуссию в «Литературной газете».

«Русская литература умерла» – под этим слоганом прошла дискуссия на телеканале «Культура» в программе Михаила Швыдкого «Культурная революция».

Так или иначе, доказывая прямо противоположные тезисы, критики сходились в двух положениях: 1) литература потеряла свою былую влияние; 2) литература деидеологизировалась.

Никто не сопоставил эти два умозаключения в качестве

причины и следствия, хотя они очевидно взаимосвязаны.

Выступая по поводу вручения ему премии Аполлона Григорьева за роман «Биг-бит», Юрий Арабов сказал, что русская литература последнего времени нарушила негласный общественный договор, отошла от читателя, отвернулась от него – и теперь наказана читательским (и общественным) равнодушием. Сосредоточенность на узких, частных, не представляющих никакого социального и идейного смысла вещах принесла литератору заслуженную непопулярность. Оказавшись на свободе, литература обрела права, но забыла свои обязанности.

Критика сегодня изолирует литературу и от общественной жизни, хотя здесь открывается много показательных параллелей. Например, правозащитник Людмила Алексеева в дискуссии «Свобода в современной России: какова ее ценность?», проведенной Фондом «Либеральная миссия», тоже назвала десятилетие (с 1991 года) «замечательным»³², сходясь с той частью литературной критики, которая *положительно оценивает литературу, развивающуюся в условиях свободы*. Евгений Ясин, открывавший эту дискуссию, утверждает: «...либо Россия будет свободной страной, либо у нее не будет перспектив», – обращая тем не менее тревожное внимание на то, что «гражданские права и свободы, как правило, не получают у людей высоких оценок в ряду ценно-

³² Алексеева Л. // Стенограмма дискуссии «Свобода в современной России: какова ее ценность?», <http://www.liberal.ru>.

стей». А ведь совсем – исторически – недавно дело до «прав» писателю было. И общество бурно реагировало на писательский месседж. И было не только гражданским обществом, но и читательским сообществом.

Однако многое за последние годы изменилось – в том числе и отношение писателя к своей общественной роли, которую он видит незавершенной только в том случае, если за нее достаточно хорошо платят. Ослабление интереса к литературе и ослабление интереса писателя к обществу – процесс двуединый.

Кризис и «затмение либеральных идей» (выражение Р. Капелюшникова³³) не только в XIX, но и в конце XX – начале XXI века, т. е. уже в наше время, имеют свои причины: 1) либерализм действительно стал отождествляться с защитой существующего порядка вещей; 2) либеральная интеллектуальная программа не разрабатывалась. Еще Хайек писал, что строительство свободного общества надо сделать «интеллектуальным приключением», – в России же либерализм окуклился в бесконечные политологические напыщенные словопрения, «слова, слова, слова», от которых отшатнулись и общество, и литература. Так что *разошлись* в разные стороны все составляющие: либерализм остался наедине с собой; литература продолжала сокращать свое влияние (и ей тоже грозит остаться наедине с собой); а общество, равнодушно предоставленное самому себе и «либеральным ре-

³³ Капелюшников Р. // Там же.

формам», которые легли непосильным бременем на десятки миллионов сограждан, постепенно перестало быть таковым – в гражданском смысле: «мы не можем сформировать либеральное общественное сознание»³⁴. После «краткого прорыва к мечтательному либерализму» (Леонид Седов), после *романтического периода свободолюбия* литература стала снова возвращаться к «предромантическим» установкам (литература в ее самосознании – о конкретных художественных текстах речь не идет).

Достаточно сравнить отношение к литературным институтам и структурам сейчас и – десять–двенадцать лет тому назад.

³⁴ Тимофеев Л. // Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.